

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МИРАЖИ

Экономика как триллер

О книге Ю.Л. Латыниной «Промзона»

А.Н. ОЛЕЙНИК

Опасен и страшен советский человек,
уперевшийся насмерть за свои права.

М. Веллер. Легенды Невского проспекта

Художественные произведения могут оказаться дополнительным источником информации в анализе экономических систем. Постсоветская экономика, увиденная через призму книги Ю.Л. Латыниной «Промзона», функционирует по законам жанра триллера. Основная черта этой экономики — стабильно неравновесное состояние, причем взаимодействия между экономическими субъектами не приближают, а постоянно удаляют ее от состояния равновесия. Ведь целевая функция российских предпринимателей, как это убедительно показано в книге Латыниной и в ряде других, более строгих, исследований, определяется спецификой завистнического соперничества, в котором выигрыш в сделке одной стороны всегда достигается за счет проигрыша другой. Завистническое соперничество будет продолжаться до тех пор, пока государство не сможет обеспечить верховенство закона и эффективно защитить базовые права своих граждан, в том числе право собственности. Главной предпосылкой развития событий по данному «оптимистическому» сценарию следует признать заключение «общественного договора» между всеми существующими в постсоветском обществе малыми группами.

Не всегда описание экономической системы в строгих научных терминах оказывается более информативным и адекватным, чем ее образ, создаваемый художественными средствами. Вспомним хотя бы схоластические построения политической экономии социализма, которые проигрывали в сравнении с экономическим прочтением ряда литературных произведений о реальном функционировании административно-командной системы. Сам термин «адми-

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсам «Трансформационный процесс в России: социальные механизмы институциональных изменений», «Экономическая социология».

Экономика как триллер

нистративно-командная система» прочно вошел в обиход в результате широко-го резонанса, который вызвала в конце 1980-х годов рецензия Г.Х. Попова на роман А.А. Бека «Новое назначение» [Попов 1987].

Хотя времена расцвета политической экономии социализма прошли, опасность замены анализа схоластикой сохраняется. Только теперь речь идет о схоластике неоклассической, т. е. о попытках свести все явления в экономике к моделям доминирующего сегодня в экономической теории направления. Позитивный подход, или описание экономических явлений такими, какие они есть на самом деле, при этом подменяется нормативным, или указанием того, какими они должны быть, в данном случае с точки зрения неоклассического подхода [Олейник 2003а]. Поэтому литературный взгляд на экономическую действительность по-прежнему актуален и перспективен.

Экономическая наука, несмотря на постепенное обзаведение атрибутами естественной науки, такими как математические модели и лабораторные эксперименты, остается общественной, гуманитарной наукой. Даже в американских университетах экономические департаменты относят к *arts & sciences*, т. е. к наукам, имеющим существенную компоненту искусства. А гуманитарное знание предполагает изучение человека не напрямую, а через сказанное им слово, текст. «Иначе, чем через текст, человека не разглядишь, не услышишь» [Библер 1991, с. 122]. Этот принцип уместен и в экономическом анализе.

Если согласиться с идеей описания экономических взаимодействий через призму художественного текста, то возникает вопрос о жанре такого произведения. Уже упомянутый роман Бека носит биографический характер. Он посвящен судьбе одного из высших руководителей советской промышленности в период кризиса модели управления, основанной на жестком и всеобъемлющем администрировании и контроле [Бек 1986]. К слову, биографичность присуща и другому известному «хозяйственному» роману того же автора [Бек 1957]. В «Жизни Бережкова» рассказывается о конструкторе авиадвигателей, представителе чрезвычайно важной для понимания советского военно-промышленного комплекса отрасли. Учитывая иерархическую структуру экономических взаимодействий, жизнеописание лица, занимающего ключевые, точнее «узловые», позиции, оказывается именно тем жанром, который адекватен для описания административно-командной системы.

В гротескной форме этот вывод подтверждается сюжетом «Легенды о социалисте», одного из рассказов М.И. Веллера [Веллер 1997]. Эмигрировавший во времена застоя в США видный член ленинградской торговой мафии оказывается в новых условиях никому не нужным со своими весьма специфическими навыками. Пытаясь хоть как-то заработать на жизнь, он решает написать свою детальную автобиографию, которая неожиданно оказывается весьма полезным пособием как для западных советологов, так и для советских чекистов.

Описание американской экономической действительности требует иных изобразительных средств. Действие на конкурентном рынке чаще всего происходит по канонам детективного сюжета [Breit, Elzinga 2002]. Конкуренция заставляет любого человека действовать рационально, и задача экономиста, как и задача следователя в детективном романе, сводится к поиску рациональных объяснений даже внешне нерациональных поступков. Еще один элемент, сближающий детектив и экономическое исследование, заключается в неизбежности восстановления равновесия, временно нарушаемого преступлением или рыночным «шоком». «В обоих случаях понятие равновесия играет решающую роль» [Breit, Elzinga 2002, p. 369].

С постсоветской экономической действительностью дело обстоит сложнее. Биографический роман оказывается уже не вполне адекватным жанром, однако и время детектива еще не пришло. Разрушение административно-командной системы, легко описываемой с точки зрения лица, которое занимает в ней одну из ключевых позиций, не означает параллельного становления конкуренции, дисциплинирующей рациональный образ мысли и действия. В связи с этим многие исследователи предпочитают говорить о возникновении в результате постсоветской трансформации экономической системы, не похожей ни на плановую экономику, ни на конкурентный рынок. «Модель перехода (от социализма к капитализму. — А. О.), имеющая мало общего с реальностью, должна уступить место размышлениям о характеристиках, по преимуществу не имеющих аналогов, той системы, которая возникает сегодня в России» [*Berelowitch, Wiewiorka* 1996, p. 395].

Попытки художественного описания постсоветской экономической действительности в рамках «канонических» жанров уже предпринимались. Пожалуй, наиболее известная из них — автобиографический роман Ю. Дубова, одного из «пионеров» российского бизнеса [*Дубов* 1999]. Название романа «Большая пайка» на тюремном арго означает повышенный рацион питания. «Вернее погибает в лагере тот, кто очень тяжело работает, чтобы заработать большую пайку, чем тот, кто работает для того, чтобы выработать лишь маленькую пайку, так как дополнительный хлеб ни в коем случае не компенсирует дополнительного усилия» [*Росси* 1991, с. 269]. Сравнение постсоветского бизнеса с тюремной жизнью чрезвычайно показательно, и его правомерность подтверждается более строгим научным анализом [*Олейник* 2001a]. Однако по мере развертывания сюжетной линии книги усиливается впечатление о неполноте, фрагментарности рисуемой автором картины. Взгляд на события с точки зрения одного лица или группы лиц (в данном случае группы ушедших в бизнес сотрудников академического Института проблем управления) не способен охватить все значимые черты нынешней экономики, в отличие от административно-командной системы, не являющейся однородной и организованной по строго иерархическому принципу.

Если все же не ограничиваться рамками канонических жанров, то особый интерес представляет триллер на экономические темы. Как и в детективе, основные герои триллера озабочены лишь реализацией собственных интересов и целей. Прагматизм их поведения принимает абсолютные, а потому ужасающие формы. Еще Р. Мертон заметил, что преступное поведение связано с возведением прагматизма в абсолют, при этом любые институциональные ограничения и запреты перестают приниматься во внимание [*Merton* 1938]. Все позволено. Именно в осознании этого факта и следует искать главный источник ужаса. Заметим, что с развитием идеи вседозволенности чаще всего связана авантюрная, детективная составляющая сюжетной линии романов Ф.М. Достоевского, который одним из первых в литературе наиболее адекватно ощутил специфику раннего капитализма [*Бахтин* 1979].

В отличие от детектива законы триллера не требуют обязательного восстановления равновесия и торжества справедливости. Наоборот, ужас как раз и вызывается осознанием неустойчивости, бренности всего того, что на первый взгляд кажется стабильным и незыблемым. Возможно, поэтому близость произведений Н.В. Гоголя, другого русского писателя эпохи раннего капитализма, к

Экономика как триллер

жанру триллера столь очевидна. Во взаимодействиях людей, в чьих лицах отражена «жадность, и корысть, и надобность» [Гоголь 2002, с. 281], он видит источник ледящего душу страха. Жанр триллера как нельзя лучше соответствует специфике постсоветской экономики: следование рыночному (или, иными словами, прагматическому) императиву пока не привело к возникновению конкурентного, самостабилизирующегося рынка. Наоборот, трансформация обнажила глубоко нестабильный характер системы, не похожей ни на плановую экономику, ни на классический капитализм.

В жанре экономического триллера начиная с «Охоты на изюбря» работает писатель и экономический обозреватель Ю.Л. Латынина. В ее последней книге «Промзона» [Латынина 2003] критическая нестабильность постсоветской экономической системы показана, в частности, через призму экологического кризиса как вероятного результата складывающихся между крупными российскими бизнесменами отношений. Идея о природе как о заложнице отношений между хозяйствующими субъектами в общем-то не нова. Еще в советские времена образ сметающего все на своем пути потока из разрушающейся в результате слишком амбициозного администрирования плотины был найден О.Т. Гончаром [Гончар 1988]. Его рассказ «Черный яр» был даже перепечатан в период ранней перестройки в органе ЦК КПСС газете «Правда», что лишний раз свидетельствует о высоком потенциале художественного восприятия административно-хозяйственных проблем. В книге Ю.Л. Латыниной плотину прорывает не в качестве возмездия природы за слишком волонтаристские попытки ее подчинения (эстетика победы, пусть даже и пирровой, не вполне созвучна постсоветским реалиям), а из-за ветхости и использования бизнесменами природы в качестве заложницы в отношениях и с государством и с конкурентами. В обоих случаях экологический кризис напрямую связывается с изъянами господствующих экономических институтов. Но в рецензируемой книге экологический кризис приобретает черты, свойственные эстетике упадка.

В основе сюжетной линии экономического триллера Латыниной (название «Промзона» тоже недвусмысленно указывает на ассоциации с тюремной и криминальной средой) лежат реальные события последних лет вокруг Качканарского горно-обогатительного комбината в Челябинской области. Впрочем, в отличие от биографического романа в триллере прямые параллели с реальными событиями отходят на второй план. Основное внимание уделяется вскрытию реальных, а не кажущихся мотивов поступков (как в детективе), но это «разоблачение» не приближает, а удаляет экономическую систему от ситуации равновесия. Каждый новый контакт между главными действующими лицами приводит к обострению конфликтов и к развитию кризиса, в том числе и экологического, по нарастающей линии.

Идея о взаимодействии как об источнике конфликтов заслуживает отдельного внимания. У Ф.М. Достоевского взаимодействие героев «работает» на становление позитивных идей, носителями которых они являются, и в этом заключается главная черта изобретенного им «полифонического» романа. Поэтому добро, как и истина, теряет абсолютный характер: правд может быть столько, сколько героев в романе, причем они взаимообусловлены и не могут существовать по отдельности. «Идея начинает жить только вступая в существенные диалогические отношения с другими *чужими* идеями» [Бахтин 1979, с. 100]. В «Промзоне» же мы сталкиваемся с прямо противоположной логикой разви-

тия сюжета. Теперь уже зло теряет статичную природу, оно становится в процессе взаимодействий между героями как реакция на их поступки по отношению друг к другу [Олейник 2003б]. Отрицание абсолютного зла, кажется, дополняет тезис об отсутствии абсолютной правды в романах Достоевского, сформулированный Бахтиным.

Изображение отечественной экономической действительности, видимое на поверхности, вряд ли способно удивить человека, знакомого с базовыми понятиями рыночной экономики. В сегодняшней России существуют все основные рыночные институты, начиная с института частной собственности и заканчивая макроэкономическим регулированием [Нестеренко 2000]. Правда, за их фасадом происходят взаимодействия между экономическими агентами, имеющие мало общего с классическим капитализмом. Возьмем, к примеру, восприятие института акционерной собственности одним из героев «Промзоны». «Акционеров в России нет. Вот компания, да? В ней есть доли.. У тебя есть доля, потому что ты купил акции. У Славы твоего доля, потому что он твой хозяин. И у папы (губернатора. — А. О.) доля, потому что он папа. Это его область» [Латынина 2003, с. 105]¹.

Не удивительно, что в России чрезвычайно распространены мнимые и притворные сделки [Макаров 1998]. Гражданский кодекс РФ (ст. 170) классифицирует как мнимые сделки, «совершенные лишь для вида», без намерения создавать соответствующие правовые последствия, а сделки, совершаемые для прикрытия других сделок, определяет как притворные. Книга Ю.Л. Латыниной богата описаниями мнимых и притворных сделок, представляющими собой хорошее упражнение для любителей головоломок, а также для начинающих бизнесменов-практиков. И если использование фирм-однодневок в различных вексельных и зачетных схемах (с. 98) постепенно выходит из моды, то в операциях по сокрытию от третьих лиц и даже от партнеров действительной структуры собственности эта практика по-прежнему в ходу (с. 108)².

Рассогласование формы и содержания сделок делает особенно актуальным поиск действительных мотивов экономических агентов. В конечном счете подавляющее большинство героев книги Латыниной, за исключением, пожалуй, Ирины Извольской, супруги одного из двух основных действующих лиц, ведут себя чрезвычайно прагматично. Так, за риторикой (губернатора Орлова и полномочного представителя президента в федеральном округе Ревко) заботы об

¹ Далее ссылки на цитируемые страницы книги Ю. Латыниной приводятся в круглых скобках.

² Возьмем, к примеру, недавний судебный процесс, инициированный в связи с распространенной практикой ухода от уплаты таможенных сборов с помощью мнимых сделок при импорте мебели. По версии следствия, принятой судом, мебель оформлялась на подставные фирмы, что позволяло действительным владельцам крупнейших в Москве торговых комплексов, специализирующихся на продаже импортной мебели, оставаться «в тени» [Заподинская 2003]. Причем мнимый характер сделок проявлялся двояко. Во-первых, в документах импортируемая мебель отражалась либо как комплектующие, либо как менее дорогие модели, облагаемые таможенными пошлинами по меньшим ставкам. Во-вторых, официально импортером выступали мелкие фирмы, арендующие площади в торговых комплексах, тогда как реально все сделки контролировались, по мнению суда, владельцами торгового комплекса, уходившими таким образом от возможной ответственности.

Экономика как триллер

общественном благе представителей государства также скрываются личные интересы. Эти интересы простираются от поиска дополнительных — «теневых» — ресурсов для избирательных кампаний до банальных взяток, или «отката», получаемых через посредников или через оффшорные фирмы.

Парадоксально, но единственным носителем идеи («человеком идеи», если использовать понятия поэтики Достоевского) в триллере можно считать Степана Вельского, бывшего летчика Советской Армии, прошедшего через афганский плен, а позднее «авторитетного» криминального лидера, постепенно легализовавшего свои капиталы. Свое пристрастие к авиации — свою «идею» — он пронес через всю жизнь: продолжая летать самостоятельно на боевых истребителях, беря на полное довольствие один из воевавших в Чечне авиаполков и финансируя (доходами от прежде криминального бизнеса) разработку истребителя нового поколения. Симпатии женских персонажей триллера, равно как и самого автора, явно на стороне Вельского (к слову, его вероятный прототип погиб в 2002 г., совершая затаенный прыжок с парашютом в Южной Африке). Прагматиком Вельский явно не был: все свои свободные средства он вкладывал в малопривлекательный с финансовой точки зрения проект создания истребителя. «На похоронах (Вельский погиб при спасении опытного образца истребителя. — *А. О.*) не было ни главкома ВВС, ни министра обороны, ни большинства авиационных генералов. Что же до конструкторов и летчиков, то пришли почти все, в том числе и самые ярые конкуренты МиГа. Еще пришли два милицейских генерала, которым сразу по возвращении с похорон велели написать заявления об уходе на пенсию» (с. 454).

Доведенный до абсолюта прагматизм позволяет говорить о близости поведения героев триллера к идеальному типу инструментальной рациональности. «Действие имеет характер инструментально рационального, когда цели, средства и побочные эффекты принимаются во внимание и подвергаются оценке» [*Weber* 1968, р. 26]. Однако цели, преследуемые персонажами, не соответствуют императиву утилитаризма. Субъекты постсоветского рынка не похожи на *homo oeconomicus*, целевая функция которого как раз и сводится к максимизации полезности. Сохранение чести и достоинства — вот та цель, которую сознательно преследуют герои даже в тех случаях, когда ее достижение грозит поставить под угрозу их материальное благополучие.

Конфликт между двумя российскими олигархами — Вячеславом Извольским и Константином Цоем, который лежит в основе сюжета «Промзоны» и приводит в итоге к экологическому кризису, меньше всего связан с таким столкновением коммерческих интересов сторон, когда их диаметрально противоположность делает поиск компромисса невозможным. Первым шагом к промышленной войне стал срыв встречи между олигархами, когда Цой по несчастливому стечению обстоятельств был вынужден прождать в приемной Извольского больше часа (*sic*), так и уехав ни с чем. Когда затронута честь, «мы не можем с ним помириться, не потеряв лица» (с. 130). Развивающийся по нарастающей линии конфликт, в который оказываются вовлеченными все больше предприятий олигархов, умело обостряют представители государства, действующие по принципу «разделяй и властвуй». С их подачи в конфликте появляется первая кровь, и он приобретает черты кровной мести. «Я ужасно не люблю, когда ущемляют мои интересы. Тем более, когда при этом доходят до того, что убивают моих людей... Везде можно найти компромисс. Даже когда завод украла, и

тогда можно найти компромисс. Но вот когда начинается кровь, компромисса уже не может быть. Во всяком случае, для меня. Как было написано на одном старом королевском гербе, *nemo me impuni lacessit*. Никто не оскорбит меня безнаказанно» (с. 307).

Видимо, один из механизмов, систематически удаляющих постсоветскую экономику от состояния равновесия, как раз и заключается в особенностях целевой функции ее субъектов. Если бы их прагматизм имел утилитарную окраску, то выигрыш одного человека не обязательно означал бы проигрыш другого. Наоборот, взаимодействие на рынке предполагает выигрыш каждого его участника (*non zero sum game*)³. Человек «скорее достигнет своей цели, если обратится к их (других людей. — А. О.) эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно» [Смит 1993, с. 91].

Императив чести предполагает постоянное соперничество, завистническое сопоставление с окружающими людьми. Победитель здесь может быть только один, а все остальные — проигравшие. «Завистническое соперничество есть процесс оценки людей в отношении их достоинства» [Веблен 1984, с. 82]. В условиях завистнического соперничества конфликты возникают на пустом месте, они становятся неизбежными даже в процессе переговоров, предваряющих заключение потенциально выгодной для всех сторон сделки. Говоря о Цое, одно из действующих лиц триллера довольно грубо замечает, что он «не способен вести переговоры, не поставив противника раком» (с. 256). Но стремление унижить контрагента, превратить переговоры, спор в поединок — это не личная беда г-на Цоя, а проблема постсоветского бизнеса в целом. Эту черту подмечают многие западные предприниматели, имеющие бизнес в России. Воспроизведем слова одного из них: «Складывается впечатление, что их (российских бизнесменов. - А. О.) цель — это не совершить сделку, даже не заработать деньги. В конечном счете, их цель — одержать верх (*battre*) над партнером» [Олейник 2001а, с. 19].

Выяснению того, «кто круче», подчинены и отношения бизнесменов с окружающими их женщинами. Вопросы женской чести приобретают в описываемом контексте особую актуальность. Достоинство мужчины зависит, с одной

³ В играх с ненулевым совокупным выигрышем каждый из участников может надеяться на получение позитивного вознаграждения за участие в игре. Возьмем, к примеру, модель взаимодействия между двумя людьми, стремящимися найти друг друга в большом здании. Предположим, встретиться они могут либо в буфете (попутно приобретая возможность перекусить, т. е. получая дополнительную полезность), либо в холле при входе.

		Второй игрок	
		Идти в буфет	Идти в холл
Первый игрок	Идти в буфет	2, 2N ₁	1, 0
	Идти в холл	0, 1	1, 1 N ₂

Пусть полезность от встречи, равно как и полезность от посещения буфета, будут равны единице. Тогда в игре есть два равновесия по Нэшу, соответствующие посещению обоими игроками либо буфета, либо холла при входе. Поэтому в любом случае каждый из игроков, принимая решение об участии в игре, надеется на позитивный выигрыш (ожидаемая полезность каждого равна $2 \times 0,5 + 1 \times 0,5 = 1,5$). Иными словами, выигрыш одного игрока не влечет за собой проигрыш другого.

Экономика как триллер

стороны, от сохранения незапятнанной репутации «его» женщин и, с другой стороны, от его способности поставить под вопрос репутацию женщин других мужчин. «Цой был абсолютно беспощаден в том, что касалось измены. Он мог выкинуть девушку. Она — никогда- не могла уйти к другому. Безопасней было украсть у Цоя завод, чем наставить ему рога» (с. 362). Репутации другого персонажа триллера, средней руки бизнесмена Леша Крамера, был нанесен непоправимый ущерб тем, что его жена изменила с конкурентом. В результате стремление отомстить любой ценой стало для него главной целью жизни.

Картина отношений между постсоветскими бизнесменами, рисуемая Ю.Л. Латыниной, оказывается удивительно похожей на ту, которая характерна для среды традиционной мафии, существовавшей на юге Италии во второй половине XIX — в первой половине XX в. Один из наиболее известных исследователей мафии Пино Арлакки в качестве ключевой ее характеристики выделяет «соперничество за большее достоинство» [Arlacchi 1986, p. 4]. Аналогия уместна даже в деталях: юг Италии известен культурой мачизма, а женская честь воспринималась там в эпоху расцвета традиционной мафии в качестве символа благополучия и достоинства семьи. Иными словами, экономическая система, существующая в мафиозной среде, не похожа ни на классический рынок, ни на традиционную экономику [Олейник 2002а, с. 170—173].

Почему соображения защиты чести и достоинства вытесняют из поведения постсоветских предпринимателей все другие? Почему все усилия и все ресурсы направляются на достижение этой, рациональным образом воспринятой, цели? О рационализме стремления защитить свое достоинство свидетельствует, в частности, способность основных действующих лиц триллера четко разделять личные дела и бизнес (например, через ограничение влияния на него родственных связей), а также здраво оценивать последствия промышленной войны еще до ее начала. Если бы императив чести имел традиционную природу, происходило бы смешение родственных, дружеских и деловых отношений, которое описано в ряде исследований постсоветской деловой среды [Олейник 2001а, с. 14—17].

Учитывая, что защита базовых прав человека, в том числе и прав собственности, является одной из основных функций демократического государства, можно увязать описанную выше иерархию мотивов со спецификой постсоветского государства. Если государство не обеспечивает защиту прав человека, то он вынужден заботиться о своем достоинстве иными способами. Косвенно это предположение подтверждается историей юга Италии. Императив защиты чести и достоинства здесь приобрел чрезвычайную актуальность в условиях фактического отсутствия государства, которое рассматривало слаборазвитый в экономическом плане юг и Сицилию скорее как колонии, обязательства по отношению к населению которых минимальны. «Итальянское государство забыло о существовании Сицилии» [Arlacchi 1996, p. 31].

Другой пример отказа государства от защиты прав своих граждан можно найти в тюрьме, точнее, во взаимоотношениях между осужденными и тюремщиками. Стереотип отношения к осужденным как к людям второго сорта обуславливает особую ценность для них права на вежливое обращение со стороны персонала тюрьмы. Анкетные опросы осужденных показывают, что среди наиболее важных для них прав с большим отрывом лидирует право на вежливое обращение, «материальные» же права (на получение посылок, на приобретение продуктов питания и т. д.) упоминаются значительно реже (табл. 1).

Таблица 1 **Ответы осужденных на вопрос «Какие права для вас наиболее важны?», % ответивших, N — число респондентов**

Права	Россия, 1041	Казахстан, 396	Украина, 208	Франция, 59	Канада, 120
На вежливое обращение	68,8	77,4	61,1	75,9	54,8
На свидания	48,1	42	60,1	50	61,7
На получение посылок	35,1	23,6	35,1	46,6	20,9
На личную безопасность	30,3	33,6	25	20,7	23,5
На просмотр телерограмм	27	32,6	20,7	3,5	15,7
На приобретение продуктов питания	18,7	10,5	12	13,8	15,7
На телефонные переговоры	14,8	16,8	16,8	Н.д.	Н.д.
На прогулки	8,4	6,3	3,8	10,3	16,5

Источники: [Олейник 2001б, с. 323] и данные социологических опросов, проведенных в четырех пенитенциарных учреждениях Харьковской обл. (Украина) в мае 2003 г., а также в трех пенитенциарных учреждениях Квебека (Канада) зимой 2001 г.

Неспособность представителей государства обеспечить уважение прав своих граждан (или сознательный отказ от этого) обуславливает чрезвычайную ранимость последних: даже небольшой конфликт они воспринимают как лишнее напоминание о своем бесправном положении. И в таких конфликтах им приходится идти до конца, не останавливаясь ни перед чем. Ключ к пониманию поступков персонажей триллера заключается в отсутствии законов как единственной гарантии защиты прав и достоинств каждого человека. Эпиграф книги Ю. Латыниной «Nullum crimen sine lege» (Где нет законов, не бывает и преступлений) подсказывает читателю данное направление мысли.

Лишенные опоры на закон, постсоветские люди вообще и предприниматели в частности вынуждены утверждать свое достоинство исключительно через соотнесение себя с окружающими. Такое соотнесение, во-первых, бесконечно, во-вторых, всегда означает выигрыш одной стороны вследствие проигрыша другой (*zero sum game*)⁴, т. е. не исключает преступления. Ссылка на закон означает указание некоего минимального, гарантированного для всех, достоинства. Если ее нет, то люди начинают искать подтверждения своего достоинства у окружающих и за их счет.

⁴ В играх с нулевой суммой выигрыш одного игрока всегда означает проигрыш другого. Игры, описывающие военные столкновения, наилучшим образом иллюстрируют идею данного семейства игр [Guerrien 1995, p. 41].

Первый игрок	Второй игрок	
	Атаковать	Обороняться
Атаковать	0, 0 N	1, -1
Обороняться	-1, 1	0, 0

Пусть выигрыш атакующей стороны равен 1, равно как и проигрыш стороны, решающей при этом лишь обороняться. Если обе стороны либо атакуют, либо обороняются, то никто не выигрывает. Ожидаемая полезность каждого участника рассматриваемой игры равна 0, так как единственное равновесие по Нэшу приходится на исход, когда оба участника атакуют.

Экономика как триллер

Для экономистов более понятной будет апелляция к аргументам Дж. М. Кейнса относительно специфики функционирования фондового рынка. Объективные оценки эффективности инвестиций (такие, как объем выпуска продукции) играют менее важную роль, чем условные, являющиеся результатом конфиденциального соглашения между всеми участниками сделок на фондовом рынке. «Большинство этих лиц в действительности весьма озабочены не тем, чтобы составить наилучший долгосрочный прогноз ожидаемого дохода от инвестиций за все время их эксплуатации, а тем, чтобы предугадать немного раньше широкой публики изменения в системе взаимно разделяемых условностей как основы рыночной оценки» [Кейнс 1993, с. 343]. Успех игрока на фондовом рынке определяется его способностью предугадывать реакцию остальных его участников на тот или иной сигнал. Каждый игрок внимателен к действиям других, что приводит к становлению системы взаимопересекающихся ожиданий (*anticipations croisees*). Последние, в свою очередь, обуславливают возникновение спекулятивных «пузырей», разрывающихся в тот момент, когда характер и направление взаимных ожиданий резко изменяются под влиянием внешних «шоков» [Orlean 1994, p. 18-20].

По мнению Кейнса, выйти из порочного круга можно, только лишив рыночную оценку условного характера, иными словами, обеспечив участников сделок критерием рыночной оценки, выведенным за рамки взаимных ожиданий и ссылок. Возвращаясь к сюжету триллера, можно сказать, что закрепленные в законе базовые права и являются критериями человеческого достоинства, выведенными за рамки бесконечных сопоставлений.

Постсоветское государство двояким образом ответственно за развитие экономических взаимодействий в соответствии с канонами жанра триллера. С одной стороны, оно не способно обеспечить верховенство закона как в экономике, так и в других сферах повседневной жизни. Экономическая система становится пространством, выведенным за рамки правового поля, подобно производству в тюрьме, на «промзоне». Напомним, что использование труда заключенных в советское время, а труд был для них обязателен, исключало действие норм трудового и гражданского права в «производственных зонах», существующих при каждой колонии. В институциональной среде, характеризующейся дефицитом права [Олейник 2002б], нет никаких гарантий того, что преследование собственных интересов не превратится в преступление. С другой стороны, сильное государство в постсоветском контексте часто понимается как свидетельство слабости его субъектов, представителей бизнеса и обычных граждан. Деятельность и губернатора Орлова, и полпреда Ревко сводится к умелой игре на противоречиях между бизнесменами, что не позволяет усилиться ни одному из предпринимателей. Едва Цой укрепляется настолько, чтобы «съесть» Извольского, симпатии представителей государства обращаются к проигрывающей стороне, чтобы не разрушить сложившуюся систему сдерживания и противовесов. «Основная задача губернаторской власти в России [сводится к] стравливанию между собой как можно большего числа крупных финансовых группировок, ибо только беспощадная война их между собой позволяла сохранить независимость губернатора» (с. 25).

Не случайно главным виновником эскалации конфликта, выросшего до масштабов катастрофы (экологической и человеческой), оказывается в книге Латыниной высокопоставленный государственный чиновник полпред Ревко —

персонаж, на первый взгляд наименее к тому предрасположенный по роду своих занятий. Именно с его подачи в конфликте между Цоем и Извольским пролилась кровь, что превратило их в заложников «долга чести». Конечная цель Ревко — деприватизация собственности, эффективное управление которой становится в результате промышленной войны невозможным. «Если эти двое готовы утопить друг друга вместе с заводами — так пусть лучше отдадут их государству» (с. 485). Согласно этой точке зрения сильное государство — это государство, занимающее доминирующие позиции на рынке.

Обсуждение вопросов радикального изменения структуры прав собственности — одно из свидетельств глубокой нестабильности постсоветской экономической системы, причем нестабильности, обусловленной деятельностью государства. «Одним из факторов наметившихся в обществе тенденций к национализации являются интересы бюрократии, объективно препятствующей развитию настоящей частной собственности» [Нуреев, Рунов 2002, с. 18]. Риторика поиска эффективного собственника меньше всего волнует бюрократов типа Ревко. На самом деле именно такие представители государства оказываются ближе всего к утилитарной модели поведения, доведенной до абсолюта. Возможность действовать от лица государства гарантирует им защиту своей чести и достоинства — ведь все остальные субъекты социально-экономических взаимодействий заведомо слабее. Прагматизм людей, избавленных от необходимости участвовать в завистническом соперничестве, приобретает исключительно утилитарную окраску. Закон и мораль незначимы в качестве поведенческих рамок для постсоветских бизнесменов, но свобода их действий ограничена промышленными войнами и другими следствиями завистнического соперничества. Для высокопоставленного бюрократа не имеют значения эти ограничения, так как он остается «над схваткой».

Наиболее адекватным ограничителем для утилитарного прагматизма была бы «невидимая рука» конкуренции. Согласно определению на совершенно конкурентном рынке покупатели и продавцы не могут повлиять на устанавливающуюся в результате взаимодействий между ними рыночную цену [Begg, Fisher, Dornbusch 1991, p. 132]. Иными словами, никто из участников сделок не имеет рыночной власти. Отсутствие конкуренции, а позиция «над схваткой» ее просто исключает, создает предпосылки для появления и укрепления отношений, основанных на власти. «Власть означает вероятность, с которой участник социального взаимодействия оказывается способен реализовать свою волю, несмотря на возможное сопротивление» [Weber 1968, p. 53].

Мотивы действий постсоветского бюрократа аналогичны тем, что структурируют отклоняющееся, преступное поведение. «Выбор вариантов поведения ограничен лишь соображениями технической целесообразности» [Merton 1938, p. 674]. Представители власти, не ограниченные в своих действиях ни моралью, ни законом, ни конкуренцией, ни принуждением (с помощью системы сдерживания и противовесов), превращаются в преступников. Именно в этом факте следует искать основной источник ужаса, вселяемого триллером.

Уместна следующая эвристическая таблица ограничений, действующих в отношении бюрократов различных типов (табл. 2). Функционер, представляющий демократическое государство, ограничен в своих действиях прежде всего законом (*rule of Law*). В качестве ограничений значимы дисциплина (контроль как «сверху», так и «снизу», через выборы) и мораль. В советском государстве

Экономика как триллер

Таблица 2 Ограничения в действиях бюрократов различных типов

Тип бюрократа	Закон	Мораль	Конкуренция	Принуждение (дисциплина)
Бюрократ в демократическом государстве	+	+	—	+
Советский бюрократ	—	+/-	—	+
Постсоветский бюрократ	—	—	—	-

Источник: использованы и в развиты идеи, сформулированные в [Oleinik 2001].

свобода действий бюрократов ограничивалась строгой исполнительной дисциплиной (контроль «сверху») и, в меньшей мере, моралью, связанной с коммунистической идеологией. Наконец, представитель постсоветского государства не ограничен в своих действиях почти ничем. Исполнительская дисциплина ослаблена, особенно по сравнению с советским периодом, а правовые рамки еще незначимы.

Отношение к представителям постсоветского государства не может не быть двойственным, амбивалентным. Односторонняя зависимость рождает амбивалентность [Smelser 1998], например ненависть и привязанность одновременно. Другой иллюстрацией амбивалентности принято считать гомосексуальные отношения [Розанов 1913]. В этой связи интересен один из персонажей триллера гомосексуалист и фаворит губернатора Орлова (а также посредник в его контактах с бизнесменами) Анастас Анастасов. Его привлекают жесткие, властные, уверенные в себе мужчины, причем страх перед ними превращается одновременно и в источник блаженства. Фигурально выражаясь, аналогичные чувства испытывает обычный гражданин во взаимоотношениях с всесильным представителем государства⁵. Криминальные поступки последнего лишь усиливают амбивалентный эффект. «Когда Анастас очнулся, то первое, что он вспомнил, был ни с чем не сравнимый панический страх перед нацеленными на него стволами, и вместе с этим страхом — ощущение неземного, ни разу не испытанного блаженства. Какой это был жесткий, страшный, уверенный в себе мужчина! И этот мужчина пощадил его, увидел нежную, ранимую душу Анастаса, душу, алчущую любви и света!» (с. 114).

Амбивалентное отношение к постсоветскому государству, глубокое недоверие и привязанность одновременно обеспечивают ему преемственность, особенно контрастирующую с радикальной нестабильностью экономической системы. Если какой-либо постсоветский институт и обладает преемственностью, то это само государство. Впрочем, и эта стабильность не абсолютна. Ведь в ее

⁵ Исследование восприятия сексуального образа политиков подтверждает данное утверждение. Воспроизведем фрагмент из интервью с руководителем региональной телерадиокомпании, в ходе которого запрагивались, в частности, сексуальные образы ряда политиков. «Насколько в его (президента РФ. — А. О.) имидже существен сексуальный компонент? — Как ни странно, присутствует. Как мачо? Выстраивается, как ни странно. При том, что его рост, и я думаю, что за счет энергетики. <...> Вот эта вот энергетика, эти мужские поступки, вы правильно их назвали, их так стоит называть, они дают представления как о мачо». (Интервью проведено весной 2003 г. преподавателем Кемеровского государственного университета Н.Ф. Апаринной в рамках исследовательского проекта, координируемого автором настоящей статьи.)

основе лежит выведение действий представителей государства за общие рамки, за любые ограничения. А раз так, то они могут превратиться в глазах обычных граждан в единственный источник всех бед при поиске «козлов отпущения». Интерпретация мифа о царе Эдипе, данная Ренэ Жираном, выводит его печальную участь именно из специфики его статуса, его непохожести на других. «Эдип один виноват во всех мыслимых грехах, в убийстве отца и в incestе. Он не похож ни на кого, и никто не похож на него» [Girard 1972, p. 108].

Амбивалентное восприятие государства вполне соответствует одной из ключевых черт российской культуры, которую А.С. Ахиезер называет манихейством. Манихейство соответствует доминированию в общественном сознании инверсионного типа восприятия противоположностей, или дуальных оппозиций. «Инверсия основана на минимизации рефлексии. Инверсионный переход от одного полюса оппозиции к другому происходит логически моментально, то есть отпадение от одного полюса и партиципация к другому — логически один и тот же акт» [Ахиезер 1997, с. 67]. Господство манихейства делает возможным быстрый переход от привязанности — одного полюса в восприятии государства и его представителей к противоположному — ненависти и глубокому недоверию. К слову, по мнению Ахиезера, вся российская история как раз и сводится к бесконечным колебаниям между крайностями — популизмом и авторитаризмом, уравнительностью и стремлением овладеть результатами прогресса и т. д.

Книга «Промзона» заканчивается на неожиданной, несвойственной для триллера оптимистической ноте. Равновесие во взаимоотношениях между Цоем и Извольским восстанавливается благодаря непосредственному, через голову губернатора и полпреда, вмешательству президента. Предполагается, что поведение самого президента не имеет ничего общего не только с завистническим соперничеством, но и с утилитаризмом других высокопоставленных чиновников. Об искусственном, не связанном с предыдущим развитием сюжета вмешательстве президента говорится и в рецензии на книгу, напечатанной в газете «Коммерсант»: «В финале, словно Deus ex machina, появляется президент» [Новикова 2003, с. 22].

Жанровая ошибка, допущенная автором, вполне вписывается в логику описанного выше двойственного отношения к государству, причем как в личном плане, так и по существу. Негативные стороны государства олицетворяются преступниками и взяточниками — полпредом и губернатором, а позитивные — теми, кто «апеллирует исключительно к высокоморальным гражданским принципам и необходимости укрепления вертикали власти» (с. 98), т. е. президентом. Иначе говоря, «добрый и бескорыстный царь» противопоставляется «злым и продажным боярам», а все вместе они свидетельствуют о преемственности в истории российского государства.

Парадокс заключается в том, что постсоветская институциональная система самовоспроизводится лишь под влиянием воздействия извне, в данном случае президента, ведущего себя — предположительно — не так, как другие представители государства. В книге президент волевым и жестким образом устанавливает рамки действия бюрократов. Бизнесмены уравнивают друг друга в ходе войн, инициированных бюрократами, а зарвавшихся бюрократов уравнивает президент. Таков, кажется, рецепт стабильности «промзоны». Схема, на которую рассчитывал полпред Ревко в управлении государственным холдингом: «...каждый год начальник будет отгонять половину прибыли на оффшор, а

Экономика как триллер

потом каждый последующий начальник будет сажать каждого предыдущего» (с. 504), уводя от ответственности самого Ревко, представляется вполне применимой и в государственном строительстве как таковом.

Примечательно, что «внешний» характер вмешательства президента избавляет его от необходимости действовать строго в правовом поле и признавать верховенство законов над своими решениями. Отношение президента к иску, поданному Извольским в американский суд для привлечения к конфликту большего внимания и увеличения своих шансов в противостоянии с полпредом, весьма показательно. Обращаясь к бизнесмену, президент вопрошает: «Почему вы, человек, который неоднократно встречался со мной, и пользовался моим доверием — подал иск в американский суд? Изгадил репутацию России? Зачем выносить сор из избы? Твое счастье, что ты прилетел, Слава. Порвали бы тебя, как Тузик — грелку» (с. 499, 501). Действительно, порвали бы, что подтверждает судьба некоторых «опальных» олигархов.

Надежда на действующего вне общих правил игры и, что еще более существенно, вне правового поля, президента имеет ряд изъянов. Во-первых, даже имеющий изначально благие намерения человек, получая полную свободу действия, необязательно устоит перед соблазном оппортунистического поведения, т. е. использования этой свободы в личных интересах. Например, для укрепления личной власти и продления ее сроков⁶. И если оппортунизм полпреда Ревко, бывшего вначале единомышленником президента, в итоге ограничивает «сверху» сам президент (подаренным с намеком пистолетом), то где тот «верх», откуда может быть ограничен потенциальный оппортунизм самого президента?

Таким ограничителем могла бы стать церковь как альтернативный источник власти в обществе. Например, в 1980-х годах в Польше церковь играла роль опоры для оппозиции и морального ограничителя абсолютной власти [Touraine, Dubet, Wiewiorka, Strzelecki 1982, p. 79]. Напротив, в постсоветской России церковь не может критиковать власть хотя бы потому, что получает от нее существенные материальные и организационные привилегии. Некоторые исследователи даже утверждают, что экономическая деятельность церкви с согласия представителей государства почти полностью выведена как из-под налогообложения, так и из правового поля [Митрохин, Эдельштейн 2000].

Во-вторых, без обеспечения действительного верховенства законов завистническое соперничество будет продолжаться, тем самым непрерывно ставя под вопрос стабильность экономической системы. Стабилизация требует обращения к закону как к единственному мерилу и гаранту достоинства и обычного гражданина, и бизнесмена, и чиновника, и президента. Иными словами, бороться надо не с последствиями, а с причинами возникновения проблем.

Помимо того что позитивный исход попыток сохранения постсоветской институциональной системы в равновесном состоянии исключительно с помощью воздействия извне, аналогичному в данном случае подключению тяжело больного пациента к аппарату искусственного дыхания, не гарантирован, цена этих попыток в денежном выражении оказывается высокой. Внимание эконо-

⁶ Наблюдаемое отсутствие критики действующего президента РФ, возможно, объясняется господствующим среди россиян ожиданием, что он останется у власти надолго. Поэтому прагматическое «дисконтирование» выгод от занятия критической позиции и от конформизма указывает на однозначный выбор в пользу второй альтернативы.

мистов и политиков либеральной ориентации сегодня приковано к проблемам, связанным с существованием административных барьеров в экономике. Потери бизнесменов от различных запретов и избыточного бюрократического регулирования не подлежат сомнению [Аузан, Крючкова 2001]. Но при сохранении стимулов к завистническому соперничеству даже при полном уничтожении административных барьеров бизнесмены будут вынуждены нести вполне сопоставимые по объему издержки обеспечения безопасности своего бизнеса. Сюда относятся как затраты на содержание частных служб безопасности, так и отчисления сторонним фирмам, специализирующимся на предоставлении услуг по частной защите («крыши»), криминальным и/или государственным.

С экономической точки зрения, организованная преступность представляется «специфическим экономическим предприятием, или отраслью экономики, которое производит, продвигает на рынок и продает частную защиту» [Gambetta 1993, p.1]. В «Промзоне» влияние организованной преступности в обеспечении безопасности бизнеса минимально. Это и неудивительно. Ведь эволюция «частных защитников», или «крыш», в постсоветской России включает в себя несколько этапов⁷. В конце 1980-х — начале 1990-х годов господствовали криминальные «крыши». К слову, персонажи книги, относящиеся к среде организованной преступности, оказались одними из наиболее неудачных и выписанных излишне схематично. Все, как один, имеют татуировки и не отличаются выдающимися интеллектуальными способностями, а различие между традиционной воровской средой, стремящейся придерживаться «понятий», и «спортсменами», делающими ставку исключительно на силу и жестокость [Олейник 2002б, с. 29—32], и вовсе оставлено без внимания. Видимо, автор специфику этой среды знает плохо.

К середине 1990-х годов государственные структуры, такие как РУБОП или «шестые» отделы милиции (отвечавшие за собственную безопасность), а также частные охранные предприятия, созданные бывшими сотрудниками милиции и органов государственной безопасности, начали постепенно вытеснять криминальные структуры с рынка частной защиты. К концу 1990-х годов представители государства, действовавшие как частные защитники, стали основной «крышей» для среднего и, особенно, крупного бизнеса. «Крышей их отныне и вовеки является самое что ни на есть наивысшее руководство нашей многострадальной страны» [Дубов 1999, с. 699]⁸. Специально подчеркнем, что и криминальные, и государственные частные защитники по сути своей занимаются одним и тем же: обеспечивают защиту и безопасность бизнеса в частном

⁷ Книга, написанная на эту тему по материалам богатого эмпирического материала, собранного с помощью анкетирования и углубленных интервью с представителями легального и криминального секторов экономики, а также с субъектами рынка частной защиты, еще ждет своего издателя. Над ее написанием работала группа исследователей из России и Франции (Н. Апарина, Е. Гвоздева, А. Каштуров, К. Клеман, М. Минин) под руководством автора данной статьи.

⁸ «Это как бы поставлено на государство. Они (его представители из «силовых» структур. — А. О.) наши вопросы помогают решать, когда по поводу каких-то проблем мы обращаемся к ним. Из формальных отношений сейчас это переросло во взаимоотношения более высокие, т. е. если возникают у нас какие-то проблемы, ну, скажем, раз в год, то они решают». (Из интервью с руководителем телекоммуникационной компании г. Читы).

Экономика как триллер

порядке, т. е. на неформальной, индивидуализированной основе и при отсутствии универсальных критериев справедливости.

Вместе с тем в триллере детально описаны представители как бывших частных охранных предприятий — корпоративных служб безопасности (от лица одного из них — Дениса Черяги — ведется значительная часть повествования), так и государственных «крыш»: следователь, работающий в интересах крупных бизнесменов, «ангажированный» начальник РУБОП и т. д. Ю. Латынина даже пытается, правда, не очень удачно, конструировать, на манер исканий русских футуристов начала XX в., новые слова и выражения, например, «носиться с тРУБОПой» (в смысле «носиться с торбой»).

Промышленные войны вызывают инфляцию издержек на обеспечение безопасности: по ходу развития сюжета число охранников каждого из основных действующих лиц вырастает в несколько раз. Однако потери от сохранения завистнического соперничества заключаются не только в этом. Корпоративные службы безопасности аккумулируют огромный массив информации о деятельности как самого предприятия, так и его конкурентов. И эта информация, представляющая собой, как минимум, коммерческую тайну, при неблагоприятном развитии событий может быть использована для шантажа. Война компроматов («черный» PR) давно стала неотъемлемым элементом промышленных войн. Причем сами предприниматели расценивают ее как особо опасную практику. Ответы российских бизнесменов на вопросы о степени серьезности правонарушений в сфере экономики и о своем отношении к ним служат хорошей иллюстрацией (табл. 3). Сбор информации о партнерах с помощью служб безопасности и, особенно, «черный» PR оказываются в числе наиболее неприемлемых практик. К слову, главные источники информации самой писательницы, как можно предположить на основе анализа текста, связаны как раз со службами безопасности.

Подводя итоги анализа постсоветской экономической системы, увиденной через призму экономического триллера Ю. Латыниной, логично попытаться оценить вероятность выхода реального развития событий за рамки избранного жанра. Иными словами, насколько вероятно закрепление принципа верховенства закона для всех субъектов постсоветского бизнеса и государства?

Уважению закона не научишь в школе или в университете. Столкновение с существующими в постсоветском обществе правилами игры ставит любого носителя законопослушных установок перед выбором: либо адаптироваться к ним и забыть о принципах цивилизованного рынка, либо занять маргинальное положение. Образ Фаттаха Олжымбаева, талантливого выпускника Гарварда и «правой руки» Цоя, весьма красноречив: он сумел с успехом приспособиться к завистническому соперничеству. Вот какую характеристику аудиту, премудростям которого его долго учили в школе бизнеса, он дает: «Какие аудиторы? Аудиторы, это когда в лохотрон играют. Фонду какому-нибудь продают. Американскому» (с. 101).

Самый известный — и все более популярный в России — рецепт установления верховенства закона предложил перуанский экономист и политический деятель Э. Де Сото. Чтобы люди уважали законы, последние требуется привести в соответствие с теми неформальными нормами, которые уже существуют в обществе. «Люди уходят за рамки законов не потому, что законы нацелены на частную собственность или на коллективизацию, а просто потому, что они

Таблица 3 Отношение российских предпринимателей к различным типам правонарушений, связанных с экономической деятельностью

Практики	Оценка степени серьезности правонарушений *		Эмоции, которые вызывают указанные практики **	
	2001г.	2002 г.	2001г.	2002 г.
N	219	62	219	62
Угрозы физической расправы	4,65	4,72	1,24	1,2
"Черный" PR	4,09	4,07	1,53	1,47
Взятки чиновникам	3,72	3,25	1,85	1,95
Применение психологического давления на партнеров	3,48	3,27	1,74	2
Использование связей в госаппарате для конкурентной борьбы	3,28	3,04	2,02	2,22
Ведение двойной бухгалтерии	2,99	3,27	2,53	2,68
Сбор информации о партнерах с помощью служб безопасности	2,57	2,71	2,50	2,50
Использование офшорных компаний	2,17	2,51	2,85	2,88
Выплата зарплаты "в конверте"	2,16	2,14	2,97	3
Счет в зарубежных банках	2,13	2,18	3	3,07
Использование валюты в расчетах	1,83	1,59	3,07	3,08
Выплата зарплаты через счет в банке или договор страхования	1,61	1,71	3,17	3,05

* 1 = «совершенно несущественное правонарушение», 5 = «очень серьезное правонарушение». Например, средняя оценка в 2,99 означает правонарушение средней степени серьезности.

** 1 = «совершенно осуждаю», 2 = «не поддерживаю», 3 = «отношусь безразлично», 4 = «отношусь позитивно». Например, средняя оценка в 2,53 означает близкое к безразличному отношение с элементами осуждения. Об использовании данного вопроса в изучении правонарушений см.: [Matza 1990, p. 49—50].

Источники: опрос 219 предпринимателей из 11 регионов РФ в 2001 г. и опрос 62 предпринимателей из Сибирского федерального округа РФ в 2002 г. (осуществлены группой исследователей в составе Н. Апаринной, О. Валиевой, Е. Гвоздевой, А. Олейника, В. Прокопьева).

не отвечают их желаниям. <...> Сопоставив внезаконный и законный кодексы, руководители правительства легко поймут, как привести их во взаимное соответствие» [De Soto 2001, с. 171, 189—190].

Однако обычно упускается из виду, что непосредственное придание неформальным нормам силы закона не решает проблему. Ведь неформальные нормы действуют лишь в рамках малых групп, и для представителей других малых групп они останутся чуждыми и после их легализации [Олейник 2002а, с. 192—193]. Возведенные в ранг закона, локальные нормы без соответствующей интерпретации и адаптации к условиям «большого» общества, т. е. деперсонифицированных взаимодействий между потенциально неограниченным кругом лиц, не превратятся в универсальные «правила игры» (рис. 1). Например, различные проекты законов, вынашиваемые сейчас в недрах Российского союза промышленников и предпринимателей (РСИП), представляют собой варианты придания силы закона локальным нормам, действующим сегодня в среде крупного бизнеса. Кроме того, следуя указанной логике буквально, потребуется легализовать и завистническое соперничество.

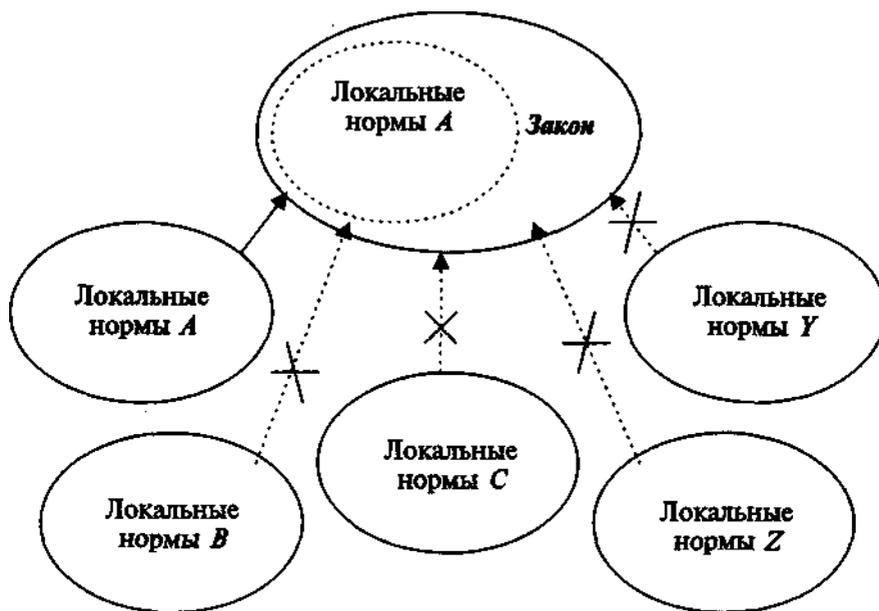

Рис. 1 Вариант непосредственной легализации локальных норм

Легализации неформальных норм должен предшествовать поиск компромисса через выработку своеобразного общественного договора между различными группами, или, как их еще можно назвать, «малыми» обществами. «Малое» общество, в отличие от «большого», означает совокупность локализованных и персонифицированных взаимодействий [Олейник 2001б, с. 18—51]. Нормы «малого» общества предполагают разделение всех людей на «своих» и «чужих», и избавление от их дуального характера является важным этапом в процессе легализации. Заключение «общественного договора» позволяет зафиксировать в законе не частные, внутригрупповые нормы, а те, которые устроили бы и «своих», и «чужих» (рис. 2).

Согласно этой логике, предложения РСПП следовало бы сопоставить с предложениями малого и среднего бизнеса, профсоюзов, потребительских организаций и только после нахождения консенсуса учесть в законотворческой деятельности. Только такие законы могут стать обязательными для всех без исключения постсоветских граждан, давая им шанс избавиться от несколько унижительной приставки «пост». Ведь эта приставка означает не что иное, как незащищенность базовых прав человека, в том числе и прав собственности, неспособность государства установить приоритет универсальных норм. Проблема построения правового государства, нерешенная в советский период, остается нерешенной и сейчас.

Конечно, и на констатации необходимости заключения «общественного договора» точку ставить рано, в лучшем случае уместно многоточие. Институты гражданского общества сегодня чрезвычайно неравномерно распределены по различным сферам повседневной жизни. Независимые профсоюзы находятся в

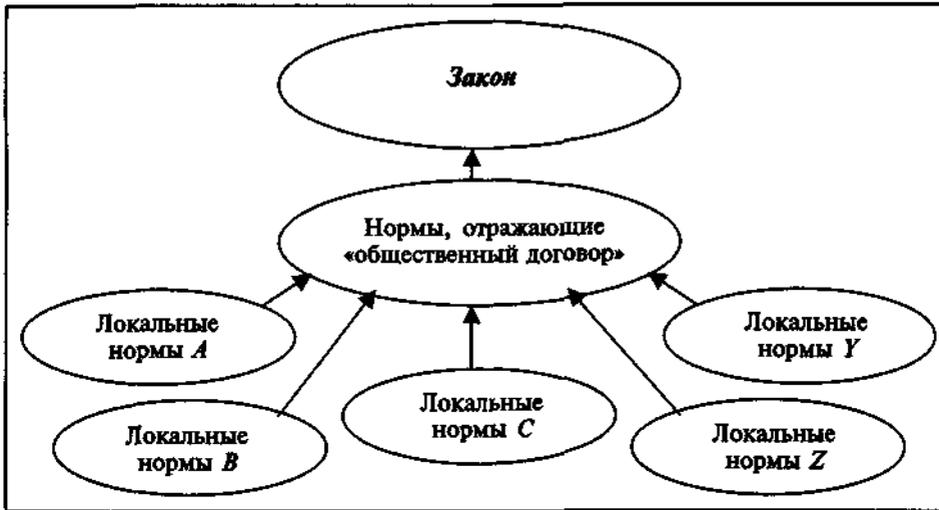

Рис. 2 Легализация как результат поиска компромисса между локальными нормами

глубоком кризисе, потребительское движение после успехов 1990-х годов переживает стагнацию. Ситуация усугубляется тем, что большинство предпринимателей не видят никакой необходимости вести диалог с кем-либо, а особенно с профсоюзами, роль которых на предприятии существенно ограничена новым Кодексом законов о труде⁹. Пожалуй, наиболее организованным на сегодняшний день является крупный бизнес, в несколько меньшей мере средний. Но без диалога с другими социальными акторами «хороших» законов не создадут никакие эксперты и «проектировщики», связанные лишь с одним из «малых» обществ. К тому же сами эксперты и «проектировщики» живут в одном из «малых» обществ — в академической и университетской среде, а значит, и используют в своей повседневной жизни не универсальные, а локальные, групповые нормы [Олейник 2002в; Олейник 2003а].

Поэтому первый шаг на долгом пути к верховенству закона, способного защитить достоинство всех граждан, состоит в мобилизации всех потенциальных участников «общественного договора», т. е. в возникновении институтов гражданского общества во всех значимых сферах повседневности. Но эта проблема заслуживает отдельного исследования или отдельного, не уступающего по объему «Промзоне», художественного произведения, причем выходящего за рамки собственно науки или литературы. Остается лишь надеяться, что жанр триллера окажется для него менее уместным.

⁹ Вот типичное мнение о профсоюзе российского предпринимателя: «Никаких профсоюзов, и это очень хорошо. Не мешает ничего, и это позволяет людям нормально работать, нормально зарабатывать, и если человек нормально зарабатывает и нормально работает, то у него есть возможность нормально решать большинство проблем. <...> Надо поменьше заниматься всей этой макотой под названием профсоюзы, независимые профсоюзы. От кого независимые? Они никому не могут помочь. Они везде только мешают». (Из интервью с управляющим филиалом регионального коммерческого банка г. Кемерово).

Литература

- Аузан А., Крючкова П. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
- Бек А.А. Жизнь Бережкова. М.: Советский писатель, 1957.
- Бек А.А. Новое назначение // Знамя. 1986. № 10, 11.
- Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Веллер М.И. Легенды Невского проспекта. СПб: Объединенный капитал, 1997.
- Гоголь Н.В. Сочинения. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Гончар О.Т. Далекі вогнища. Нові твори. Кіпів: Радяньський письменник, 1988.
- Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп бизнес, 2001.
- Дубов Ю. Большая пайка. М.: Вагриус, 1999.
- Заподинская Е. Таможня устояла на «Трех китах» // Коммерсант. 2003. 5 июня. № 97.
- Латынина Ю.Л. Промзона. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2003.
- Кейнс Дж. М.. Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
- Макаров Д. Экономические и правовые аспекты теневой экономики в России // Вопросы экономики. 1998. № 3.
- Митрохин Н.А., Эдельштейн М.Ю. Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая. М.: Изд. центр РГГУ, 2000.
- Нестеренко А. Переходный период закончился: что дальше? // Вопросы экономики. 2000. № 5.
- Новикова Л. Книги за неделю // Коммерсант. 2003. 21 мая № 86. С. 22.
- Нуреев Р.М., Гунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
- Олейник А.Н. Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001а. № 5.
- Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра М, 2001б.
- Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Инфра М, 2002а.
- Олейник А.Н. Дефицит права (к критике политической экономии частной защиты) // Вопросы экономики. 2002б. № 4.
- Олейник А.Н. В заточении в башне из?.. (к вопросу об институциональной организации науки) // Вопросы экономики. 2002в. № 9.
- Олейник А.Н. Наука превращенных форм: вчера и сегодня // Вопросы экономики. 2003а. №6.
- Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (о романе А. Бека Новое назначение) // Наука и жизнь. 1987. № 4.
- Розанов В.В. Люди лунного свѣта. Метафизика христианства. СПб.: Тип. Суворина — Новое время, 1913.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. 2-е изд. М.: Просвет, 1991.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа // Антология экономической классики. В. Пегги, А Смит, Д. Рикардо. М.: Эконом, Ключ, 1991.
- Arlacchi P. Mafia et compagnies. L'itique mafiosa et l'esprit du capitalisme. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1986.
- Arlacchi P. Buscetta. La Mafia par l'un des siens. Paris: Ed. du Fÿlin, 1996.
- Begg D., Fisher S., Dornbusch R.. Economies. 3rd edition. L.: McGraw-Hill book company, 1991.

- Berelowitch A., Wieviorka M.* Les Russes d'en bas. Enquête sur la Russie post-communiste. Paris: Seuil, 1996.
- Breit W., Elzinga K.* Economics as Detective Fiction // Journal of Economic Education, Fall, 2002.
- Gambetta D.* The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge. L.: Harvard University Press, 1993.
- Girard R.* La violence et le sacré. Paris: Bernard Grasset, 1972.
- Guerrien B.* La théorie des jeux. 2nd édition. Paris: Economica, 1995.
- Matza D.* Delinquency and Drift. 2nd edition. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
- Merton R.* Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. No. 5. October.
- Oleinik A.* La réforme administrative, élément clé de la réforme pénitentiaire dans les républiques post-soviétiques // Revue française d'administration publique. 2001. No. 99. Juillet—Septembre.
- Orléan A.* Vers un modèle général de la coordination économique par les conventions // dans *Orléan A.* (sous la direction de) Analyse économique des conventions. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
- Smelser N.* The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences // American Sociological Review. 1994. Vol. 63. No. 1. February.
- Touraine A., Dubet F., Wieviorka M., Strzelecki J.* Solidarité. Paris: Fayard, 1982.
- Weber M.* Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology / Ed. by Roth G. and Wittich C. N.-Y.: Bedminster Press, 1968. Vol. 1.